

Федоров А.В. О мифотворцах и правдорезах, или Граф А.К. Толстой как интеллектуальная собственность / А. Федоров // Брянская учительская газета. – 2013. – 8 ноября (№ 44). – С. 20-21.

Биография, личность, творческое наследие А.К. Толстого не раз являлись предметом наших публикаций. В последние годы имя писателя становится притягательным для его исследователей еще и потому, что не за горами 200-летний юбилей классика русской литературы. К этому знаменательному событию должна преобразиться усадьба графа А.К. Толстого в селе Красный Рог. Выйдут переиздания его книг, состоятся научные конференции. Несомненно, «толстоведение» пополнится новыми исследованиями филологов, биографов, краеведов. Судя по публикациям в прессе недостатка в таких изданиях нет и сегодня. Достаточно вспомнить последние книги Валерии Захаровой, чьи материалы не раз появлялись на страницах «Брянской учительской газеты». Правда, в последние годы брянская энтузиастка, немало сделавшая для сохранения памяти о выдающемся поэте и драматурге, предпочитает другие издания. Что ж, это ее выбор.

Мы же оставляем за собой право давать слово и тем исследователям жизни и творчества А.К. Толстого, которые, попав под прицельный огонь критики В.Д. Захаровой, не могут дать ответ своей оппонентке. Статья, полученная редакцией от московского филолога, лауреата премии «Серебряная лира» А.В. Федорова, из числа тех материалов, которые лишний раз подтверждают золотое правило: истина рождается в споре. Но спор этот должен быть предметным и взаимоуважительным.

Печатаю статью А.В. Федорова, редакция посчитала необходимым сделать некоторые незначительные сокращения. Они – исключительно в плоскости этических отношений спорящих.

О МИФОТВОРЦАХ И ПРАВДЕРЕЗАХ, ИЛИ ГРАФ А.К. ТОЛСТОЙ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Ф е д о р. Шурин, даже грустно
Мне слышать это:
 тот сторонник Шуйских,
А этот твой! Когда ж я доживу,
Что вместе все одной Руси
 лишь будут
Сторонники?
 А.К. Толстой
 «Царь Федор Иоаннович»

Занятный жанр – околлитературная публицистика. Задорный, острый, злободневный... А в силу этого – кратковременный. Поэтому чаще всего бытующий в форме статей, заметок, рецензий и т.п. в периодических изданиях. Лишь в исключительных случаях он оформляется в книгу – как правило, если речь идет о «ретроспективном» собрании статей какого-то видного общественного деятеля прошлого. Но бывают, оказывается, и совсем курьезные издания, например целый трехтомник,

практически собрание сочинений современного краеведа, многие годы активно борющегося с различными врагами при помощи публицистического слова: **Захарова В.Д. По следам Алексея Константиновича Толстого: Вымыслы и правда. Брянск, 2008;** **Захарова В.Д. Вслед за Алексеем Константиновичем Толстым: В поисках истины. Брянск, 2013;** **Захарова В.Д. Алексей Константинович Толстой и мифотворцы. Брянск, 2013** (Далее ссылки на эти издания с указанием их номера (в обозначенной последовательности) и страницы). Перед нами своеобразная трилогия, уже названиями своих частей указывающая на некую оппозицию, полемику, даже битву, – с вымыслами во имя правды, с мифотворцами под знаменем истины. Поскольку мне выпала редкая честь в качестве автора пособия «А.К.Толстой в жизни и творчестве» (Федоров А.В. А.К. Толстой в жизни и творчестве. М., 2012. Далее цитаты с указанием страниц) оказаться в числе мифотворцев, начну именно с последней книги г-жи Захаровой.

Она представляет собой, как заявляет автор «трилогии», «обзор некоторых публикаций об А.К. Толстом, содержащих недостоверные данные о его биографии, родственниках, усадьбах...» (3, аннотация). Среди таких вредоносных публикаций оказалось и мое пособие. Безусловно, отдаю себе отчет в том, что оно небезупречно – и уже сделал несколько десятков закладок для будущих исправлений при переиздании (если оно состоится). Более того, не буду скрывать: несколько новых закладок появились там и после захаровских замечаний. Тем не менее, как редактор с 20-летним стажем имею право утверждать, что идеальных книг в этом жанре (литературоведение, научно-популярная, учебно-педагогическая литература) вообще не бывает. И, как правило, конструктивная доброжелательная критика действительно помогает что-то исправить, уточнить – и вообще стимулирует работать над собой. Таковую критику с благодарностью примет каждый, ведь по сути мы, филологи, занимаемся общим профессиональным делом и должны быть заинтересованы в его результате. В том числе и в хороших книгах. Граф А.К. Толстой заслуживает их, пожалуй, как никто другой.

Любопытно, что в начале главы, посвященной моему пособию, В.Д. Захарова зачем-то упоминает о его достоинствах (3, 135), хотя в финале дает волю своему желчному раздражению, называя «опусом» и ядовито «поздравляя» с премией «Серебряная лира», присужденной за сие недостойное свершение (3, 141). Правда, если бы ее действительно интересовало – за что вручена премия, она могла бы уточнить формулировку: «За научное исследование творчества А.К. Толстого, большой вклад в сохранение и пропаганду историко-культурного наследия А.К. Толстого». Про «опус», как мы видим, ни слова. Имеется в виду более пятидесяти предметных публикаций (в том числе и в научных ВАКовских журналах) и более сотни выступлений на всероссийских и международных научных конференциях – ни на одной из которых, исключая Брянскую (2007), я не имел удовольствия встречать г-жу Захарову. Замечу попутно, что это еще и плевок в сторону тех, кто премию присуждает: в 2006 году (награждая саму Захарову) они почему-то не ошиблись, а вот через шесть лет сели в лужу...

Теперь обратимся к конкретным претензиям, предъявленным мне как автору.

Говоря о законных детях Алексея Кирилловича Разумовского, я обмолвился о том, что они заслуживают «лишь упоминания», в отличие от незаконнорожденных – Перовских. В ответ В.Д. Захарова пространно (3, 135–136) рассказывает о судьбе В.А.Репниной и возмущенно замечает, что княгиня достойна «не упоминания, а памяти образованного общества». Тем самым, конечно, исключая меня из круга образованного общества как персонажа вполне «беспамятного». Только речь в моем пособии идет все-

таким об А.К. Толстом – и в связи с ПРЕДМЕТОМ разговора линия Разумовских, не связанная с появлением на свет Алексея Константиновича, основной не является. Поэтому я позволил себе именно упоминание, к тому же дав ссылку на специальную статью, посвященную законным потомкам А.К. Разумовского (15).

Главная и постоянная фобия г-жи Захаровой – страх за честь и добрую память графини С.А. Толстой. Любой, кто пишет о ней недостаточно восторженно, получает звание «борзописца» и становится личным врагом неутомимого борца за истину. При этом Захарова не дает себе труда внимательно читать текст, который берется критиковать. «А.Федоров обвиняет графиню... в разорении родовых имений... в увлечении спиритизмом...» (3, 138). Федоров не обвиняет, а приводит мнения людей (как правило, неслучайных и внимания заслуживающих), которые по-разному относились к графине Толстой. И после перечисления этих мнений говорит уже ОТ СЕБЯ: «И все-таки вряд ли у кого-то, кроме Бога, есть это право – судить, особенно если речь идет о тайне отношений двух любящих» (43, далее идет цитата из теплого влюбленного письма А.К. Толстого от 10.07. 1870). Но для г-жи Захаровой нет никаких тайн – она точно знает, как все было. И судит – «сплеча» (как выразился бы Алексей Константинович), направо и налево... Цитирование К.Н. Леонтьева и Е. Матвеевой, автора «предвзятых» воспоминаний (именно В.Д. Захарова решает – чьи мемуары заслуживают доверия), навлекает на меня ушат помоев, в числе которых обвинения в непонимании стихов Толстого, в незнании его писем и даже конкретных изданий: «в том числе и в издании А.Ф. Маркса, с которым он (то есть я – **А.Ф.**) незнаком вообще...» (3, 138). С собранием сочинений издательства А.Ф. Маркса (СПб., 1907–1908) мне пришлось активно работать в процессе написания диссертации (более 15 лет назад) (Федоров А.В. Ранняя фантастическая проза А.К. Толстого и традиции романтизма в русской прозе 1840-х гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1997), поскольку это издание стало первым собранием сочинений, в которое были помещены ранние фантастические произведения А.К.Толстого (за исключением «Встречи через триста лет»), бывшие предметом моего исследования. И некоторые письма, опубликованные в данном собрании и не переизданные в советские годы, тогда существенно помогли мне прояснить отношение А.К. Толстого к «потусторонней», «сверхъестественной» проблематике. Кстати, известный ответ писателя на вопрос Матвеевой, верит ли он в Бога – «Слабо, Луиза!» – это ответ истинного христианина, не желающего впасть в грех гордыни. Строить на таком ответе домыслы о его равнодушии к религиозным вопросам, мягко говоря, нелогично. Кто осмелится заявить о силе и глубине своей религиозности, если «горчиное зерно» веры должно двигать горами, если даже апостол Петр в Евангелии назван маловерным (Мф. 14:31)? Но для того, чтобы написать «Иоанна Дамаскина», нужно нечто большее, чем просто «не отрицание» религии (2, 86)...

При этом сама любительница серьезной науки неизвестно почему использует для цитирования поэзии Толстого исключительно четырехтомник 1963-64 гг., хотя на данный момент наиболее полными авторитетным собранием стихотворений и поэм является издание 2004 года (СПб.) в серии «Новая библиотека поэта» – последняя работа И.Г. Ямпольского, значительно уточненная и дополненная по сравнению с его предыдущими публикациями. Да и вообще, судя по всему, В.Д. Захаровой неизвестны научные издания, которые предпринимались в серии «Библиотека поэта» дважды – в 1937 (в 2 т., составление, вступительная статья и примечания И.Г. Ямпольского.) и в 1984

годах (в 2 т., вступительная статья Л.И. Емельянова, составление, подготовка текста и примечания Е.И. Прохорова).

Далее г-жа Захарова обвиняет меня в незнании того, что переводами Алексей Константинович занимался в основном в 1850-е гг., я же вспоминаю о переводах в связи с письмом Стасюлевичу 1869 г. Во-первых, опять здесь нашего критика подводит неумение адекватно понимать написанное (не ею). Письмо к Стасюлевичу у меня было поводом, чтобы ретроспективно сказать и об этой стороне творческого наследия А.К.Толстого – его переводах, поскольку отдельной главы о них в моем пособии нет. А во-вторых, В.Д.Захарова допускает непростительную фактическую ошибку, утверждая, что после этого письма (январь 1869) «Толстой перевел только шотландскую балладу с немецкого языка “Эдвард”» (3, 139). Если бы «строгий ученый» потрудились внимательно взглянуть хотя бы в первый том издания 1963 года, то обнаружила бы там ЕЩЕ ДВА стихотворения, переведенных после 1869 года, – оба датированы 1870: «Радость и горе, волнение дум...», «Трещат барабаны, и трубы гремят...» (и то, и другое – И.В. Гете).

Прямолинейность в объяснении творчества писателя конкретными деталями его биографии заставляет усомниться в филологическом образовании В.Д. Захаровой, поскольку, судя по всему, ей неизвестно (или непонятно), что такое художественный образ – в том числе и образ художественного пространства – и что его нельзя воспринимать как непосредственную, «механическую» иллюстрацию реальности, а «внешняя» биография не может служить универсальным «ключом» для понимания творчества писателя. Незамысловатая логика «Бытие определяет сознание» в филологии приведет к непростительному упрощению, фактическому игнорированию эстетических законов. Только этим можно объяснить свирепое отрицание того, что впечатления Толстого от усадеб Перовских могли (в преображенном виде) также отразиться в поэме «Портрет». Кстати, в другой книжке г-жи Захаровой мы читаем, что вообще вся коллизия поэмы «Иоанн Дамаскин» исчерпывается «автобиографическим» противостоянием «калифа» (императора) и «вольного певца» (Толстого), вынужденного отстаивать свою независимость (1, 24). (Наблюдения современников (в их числе Н.С. Лесков) об автобиографических мотивах поэмы еще не дают основания строить на этих мотивах размышления об основном конфликте произведения). Хотя если бы «исследователь» удосужилась (заимствую одно из ее любимых слов) внимательно прочесть эту поэму (а то и обратиться к первоисточнику – Житию Преподобного Дамаскина в изложении св. Димитрия Ростовского), то при некотором размышлении смогла бы увидеть, что как такового КОНФЛИКТА певца с калифом там нет – основная часть произведения фактически начинается с того, что калиф добровольно отпускает Дамаскина. И конфликты главного героя ожидают совсем в другой «плоскости».

Еще один занятный пример, который показывает уровень полемики, предлагаемый В.Д. Захаровой. Подпись под фотографией краснорогского мемориального флигеля в моем пособии: «Флигель усадьбы. В этом флигеле А.К. Толстой работал в последний период жизни 1860-х – нач. 1870-х гг.». Комментарий В. Захаровой: «...представлена фотография флигеля, в котором, по утверждению А.Федорова... Автору следовало бы вдумчиво читать письма А.К. Толстого... К сожалению, А. Федоров не имеет представления о семейном быте четы Толстых, но берется о нем судить» (3, 140–141). Вот такой мощный вывод на основании подписи. Но дело даже не в этом: подпись буквально повторяет МЕМОРИАЛЬНУЮ ДОСКУ, которая до сих пор на этом флигеле помещена. Может быть, г-жа Захарова сначала убедит своими неотразимыми доводами работников

музея, а потом будет так щедро разбрасываться обвинениями? Или хотя бы повесит рядышком собственную доску с опровержением, продолжив полемику в новом жанре – монументально-золоченом...

И наконец, последнее из «непростительных» искажений, обнаруженных в моем пособии, – написание фамилии Бахметьевы с мягким знаком. Даже если не воспринимать всерьез солидное издание воспоминаний Льва Жемчужникова (Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. М., 2009. С. 254, 610), где эта фамилия приведена именно так, можно сослаться на узаконенную современными словарями ВАРИАТИВНОСТЬ написания подобных фамилий – как с мягким, так и без мягкого знака. В конце концов, слова «нигилизм», «атавизм», «драматизм» и т.д. Толстой писал именно с буквой «С», но далеко не во всех изданиях данное написание воспроизводится. К тому же и у самой В.Д.Захаровой (правда, в другой книжке) приведен вариант написания Бахметьевы – как допустимый (2, 132).

Ну что ж, это, так сказать, полемическая пена. Из нее варенья не сварить. Как говорил Н.М. Карамзин, лучшая критика на плохую книгу – хорошая книга. («Пиши, кто умеет писать хорошо: вот самая лучшая критика на дурные книги!») (Н.М. Карамзин. Письмо к издателю, 1802). Посмотрим с этой точки зрения на собственное творчество В.Д. Захаровой. Что предлагает она читателям взамен мифотворцев, искажителей, борзописцев и клеветников? Она, судя по всему, воспринимает себя строгим ученым, работающим исключительно с фактами и документами, объявляя все остальное фантазированием и радостно (в смысле – злорадно) высчитывая ошибки у всех, кто не имел возможности опереться на ее изыскания. Вообще главный грех любого, кто пишет о Толстом, – отсутствие ссылок на исследования Захаровой. (Кстати, мне удалось ознакомиться с ее творчеством исключительно благодаря помощи брянских коллег. В Москве обнаружить книги В.Д. Захаровой практически невозможно). Откроем эти исследования и попробуем воспринять их вне полемического «контекста» – как самостоятельные научные работы, заслуживающие развернутого цитирования, причем при разборе заимствуем некоторые показательные критические приемы самой г-жи Захаровой – так сказать, для педагогического эффекта. Увидеть себя в зеркале может быть весьма полезно...

Что же мы обнаруживаем? В одном месте она утверждает, что Чайковский написал 14 романсов на стихи Толстого (2, 210), а в другом – уже 13 (3, 110). Количество постепенно уменьшается – надо торопиться... Ну и где же истина? Посередине? Вот еще пример – заявление, что в 1840-е годы Толстой опубликовал, кроме повести «Упырь», еще «три рассказа в малоизвестных журналах» (3, 84). Назовем-ка эти рассказы: «Два дня в Киргизской степи» (1842), «Волчий приемыш» (1843), «Артемий Семенович Бервенковский» (1845), «Амена» (1846). А теперь посчитаем. Ой, опять фактическая ошибка. Непростительная для «строгого» ученого. К другим – строгого. Тут не грех вспомнить и про сучок в чужом глазу... Вот Захарова полагается на свою память, цитируя письмо А.К. Толстого к Андрею Бахметьеву – и память ее подводит (1, 63 «...как мне хочется быть с тобой!»; в оригинале «...как бы мне хотелось быть с тобой!»). А вот она дает адрес Церкви Знамения в Перове – и «промахивается» на несколько десятков домов (2, 108)! Адрес: улица Лазо, дом 5, а не 54. Привет от коренного москвича. Гофмана она почему-то называет по второму имени – Амадей (2, 85). К произведениям А.К. Толстого ей отнесены былины (2, 214), хотя ЛИТЕРАТУРНОГО жанра былины не существует в природе (указание самого автора на жанр не должно служить решающим аргументом в

теоретико-литературном плане – иначе придется изучать «Медный всадник» как повесть, а не как поэму). Вот и еще один миф, которому служит убежденный правдорез...

Да и русским языком В.Д. Захарова владеет так, что любой учитель-филолог расставит на полях ее творений немало красных пометок, а то – и язвительных комментариев. «Проследуем же и мы за поэтом – от младенческих лет до заката его жизненного пути» (2, 4). Путь не умеет «закатываться», только у дня бывает закат, уважаемая любительница красивых образов. «В политических и литературных кругах романы его, не отрицая их увлекательность, вызывали бурную полемику...» (2, 160): сразу две грамматических ошибки – неправильный падеж у слова «увлекательность» и неправомерное использование деепричастного оборота (который всегда должен быть связан с грамматической основой предложения – иначе получается, что романы сами свою увлекательность не отрицали). «Неверно приписывается действие повести А. Толстого “Упырь” этому дворцу» (2, 74). Дворец – не действует, а является местом действия. Двойка за грамматику! О Софье Бахметьевой: «Ведь история с Вяземским – это не от безнравственности, а от романтизма...» (2, 190). Грех комментировать, лучше уже не скажешь... «Есть нечто общее между Натальей Пушкиной и Софьей Толстой. В первой окружающие ценили красоту, у второй – ум» (1, 53). Замечательный пример перевернутой логики. Видимо, общее – в том, что обеих ценили окружающие. Правда, за разное. «И не они виноваты в том, что их письма уничтожены родственниками или самими...» (1, 53). Здесь возможно два варианта прочтения – оба смешные. Либо они не виноваты, даже если сами уничтожили свои письма (не ведали, что творили?), либо письма уничтожены «самими» письмами, что, конечно, вину с их авторов снимает полностью... «Краснорогская природа поселилась в балладе “Алеша Попович”. Ее влияние на душевное состояние поэта было велико» (1, 191). Чье влияние? Баллады или природы, почему-то именно «поселившейся» в произведении? «...Скептиков законнорожденности А.К. Толстого не убавляется и в наши дни» (1, 10). Нарушение лексической сочетаемости слов, уж извините за занудство. «Он умер 8 декабря. Во время поездки писал стихи» (1, 211). В первом предложении речь идет о В.А. Перовском, а во втором – уже об А.К. Толстом. Резковат переход... «Она была религиозна до ханжества» (о Каролине Павловой, 2, 175). Ханжество – отнюдь не высшая степень религиозности, г-жа Захарова, это Вас кто-то обманул... В пылу спора борец с мифотворцами иногда забывает и о конкретном смысле самых простых слов. Например, «успешно сданные экзамены». Ей кажется, что три «тройки» и пять «четверок» никак не позволяют считать экзамены успешными (2, 55). Между тем, успешным (не отличным, не блестящим) называется экзамен, в котором получен удовлетворительный балл, достаточный для получения аттестата (или другого документа, или для перевода на следующий курс и т.д.). А неуспешный – это проваленный экзамен. Других вариантов нет.

Но не будем увлекаться ловлей подобных насекомых – для этого, честно говоря, нет ни достаточного времени, ни необходимого в таких случаях яростного энтузиазма, которым в избытке обладает г-жа Захарова. Именно эта непримиримо-оскорбительная интонация никак не может сочетаться с бескорыстной любовью к объективной истине. Потому что такая любовь предполагает признание неполноты и недостаточности собственных знаний. Причем признание не голословно-декларативное (3, 158). Иначе субъективность, поверившая в собственную непогрешимость, обязательно обернется «двойными стандартами». Например, допустимо ругать Стафеева и Трушкина, но «осторожно обходить» Ямпольского, хотя многие ошибки и «мифы» были закреплены как

раз в изданиях, которые готовил этот исследователь. Кстати, по его мнению, Анна Алексеевна вышла замуж семнадцати лет от роду (см. Толстой А.К. Собрание сочинений. В 4 т. М., 1963-64. Т. 1, С. 6.), а В.Д. Захарова настойчиво утверждает, что матери Толстого на момент замужества было уже двадцать, как старой деве (3, 137). Если «современный исследователь» так убеждена в своей правоте, почему она не «заклеймила» злостного мифотворца Ямпольского? Неужели на нее давит авторитет ученого, заставляя забыть о беспристрастности? Причем если Анну Алексеевну и Софью Андреевну В. Захарова защищает от любых (даже мнимых) посягательств, то по отношению к отцу Алексея Константиновича – Константину Петровичу – допускает весьма неблагородное измышление о том, что брак с Перовской был для него сделкой, неким «бартером», в котором он, делясь своим титулом, взамен получал богатство (2, 21). Опять двойные стандарты... Может быть, г-жа Захарова просто органически не любит мужчин – как род? И императора Александра тоже – недвусмысленно интерпретируя царевичество 1881 года как возмездие за тайный брак с фавориткой (2, 154) и характеризуя его отношения с графом при помощи незамысловатой метафоры: «Царь лишь слегка отпустил поводок, на котором держал “друга детства”» (2, 147). Правда, такое сопоставление не менее оскорбительно и для самого А.К. Толстого.

Дружба с Михаилом Даниловичем Трушкиным – самым «закадычным» недругом Валерии Даниловны Захаровой, – автоматически обрекает любого на ее щедрую ненависть. Так что как автор пособия я был «приговорен» изначально – поскольку не скрываю и, как минимум, не стыжусь этой дружбы. К тому же в список рекомендуемой литературы я имел дерзость включить его книгу «А.К. Толстой и мир русской дворянской усадьбы», по словам г-жи Захаровой (Кстати, одна из ее книжек в списке у меня тоже есть. Странно, почему М.Д. Трушкин не предъявил мне претензии по этому поводу?), «забракованную ученым советом ГУК “БГОКМ”» (3, 135). Действительно, грозная аббревиатура! (Это Брянский государственный краеведческий областной музей. Интересно, у него есть лицензия на «забраковку» книг? Даже профильные академические институты (ИМЛИ, ИРЛИ) имеют право это делать исключительно по отношению к школьным учебникам)! Куда там РАН... Пытаясь как-то побольнее задеть, а то и унижить своего оппонента, она неоднократно упоминает о происхождении М.Д. Трушкина от крепостных графа А.К. Толстого (2, 190). Невольно вспоминается знаменитое пушкинское:

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

При всей условности такая аналогия кажется плодотворной, ибо указывает на неистребимый, вневременной тип.

Честно говоря, в итоге возникает ощущение, что В.Д. Захарова вообще-то должна быть благодарна тем, о ком она пишет. Эта злость хотя бы придает ее писаниям некий «читательный» интерес – если угодно, энергию спора. Посмотрите, с каким задором «наскакивает» она на своих оппонентов, некоторые из них (например, покойный Г.И. Стафеев) уже никогда не смогут возразить в ответ.

Но, в конце концов, стоило ли вообще реагировать на эти книги? Используя банальную аналогию – так ли важно, что ворчит тебе вслед желчная старушка у подъезда, мимо которого ты имел неосторожность пройти? Важно. Потому что (видоизменяем

аналогию) я не прохожу мимо, а хочу войти в дом. Конечно, Дом Толстого – вся Россия, но входить в него все-таки лучше через крыльцо единственного музея писателя. А старушка вообразила себя – как минимум – вахтером, или вообще решила, что граф – ее собственность. Более того, она единственная знает, как должен выглядеть этот дом, и, не смущаясь отсутствием профессионального образования, легкой рукой рисует проекты «восстановления подлинного облика усадьбы» (1, 86, 89), требует считать их единственно достоверными. Не являясь специалистом ни в области архитектуры, ни в области исторической реконструкции, ни в истории русского масонства, она настаивает (на основании собственных домыслов) на строительстве масонского храма (2, 76–84) для празднования 200-летия А.К. Толстого. Не приведи Господь...

Что греха таить, непосредственным стимулом для написания этой статьи стало личное раздражение. Не самый достойный повод, конечно. Даже если вспомнить признание Алексея Константиновича про «шишку драчливости» (см. письмо Стасюлевичу от 22.12.1869) – сравнение удручающее, ибо Толстой с дамами не бранился, из пушки по воробьям не стрелял, поскольку противники у него были серьезные – в смысле, действительно опасные. Но дело здесь не в конкретном оппоненте, а в некоей тенденции, которая предельно полно выразилась в творчестве и в общественной деятельности В.Д.Захаровой.

Равнодушно взирать на происходящее из своего московского «далека» я не могу и не хочу.

Но определенный урок из захаровской трилогии я лично для себя извлек. Освободившись от прекраснотушных иллюзий о том, что не исследователь выбирает тему, а тема – исследователя. О том, что все пишущие об А.К. Толстом – люди неслучайные, ибо приобщенные. О том, что само по себе размышление об этом замечательном человеке делает и нас самих лучше. Ничего подобного.

Здесь, как и во многих сферах нашей жизни, действуют свои законы. Здесь самолюбие и озлобление прикрываются высокой идеей. Здесь по-прежнему свою маленькую правду считают истиной в последней инстанции.

И доселе их внуки рубятся,
Все рубятся за правду за истину,
На великое себе разорение...

«Правда»

А.К. Толстой.

Так мы, конечно, ничего не создадим – дома строятся, а истина обретается в сотрудничестве, а не в соперничестве. И это значит, что мы по-прежнему недостойны того, о ком пишем. Не доросли. Простите нас, Алексей Константинович...

**Алексей Федоров, кандидат
филологических наук, главный
редакториздательства «Русское
слово»
г. Москва**

P.S. На всякий случай хотел бы предупредить, что своей публикацией отнюдь не собираюсь открывать полемику и не предполагаю в дальнейшем отвечать на что бы то ни было. В.Д. Захарова уже продемонстрировала свою органическую неспособность к диалогу, который предполагает умение слушать не только себя, любимого.